

Анна и Сергей Литвиновы
Через время, через океан
Серия «Спецкор отдела расследований», книга 7

Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=244732

Литвиновы А. и С. Через время, через океан. Чужая тайна фаворита: Эксмо; Москва; 2009
ISBN 978-5-699-37937-8

Аннотация

Надя Митрофанова не смогла пройти мимо старушки, которой стало плохо с сердцем на улице... Так она оказалась в квартире известнейшей балерины Лидии Крестовской. Вот только слава, положение, внимание властей и прессы остались в далеком прошлом – Надя увидела одинокую пожилую женщину, вынужденную во всем полагаться на своего домоправителя Егора. Рядом с балериной было и еще несколько не внушавших доверие людей: сотрудницы Дома искусств, озабоченные созданием ее музея, красавчик Влад, якобы пишущий монографию о прославленной танцовщице... Когда балерина ушла из жизни и ее тело тайно кремировали, выяснилось, что все имущество Крестовской принадлежит Егору. Но своей ли смертью умерла легенда эпохи?

Содержание

Анна и Сергей Литвиновы	4
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Анна и Сергей Литвиновы Через время, через океан

Все герои этого произведения – вымышленные, все события – придуманы. Всякое совпадение или сходство с реальностью возможно лишь случайно.

Только за час до своей смерти Лидия Крестовская поняла, что ее убивают. Убивают изощренно, профессионально. И – абсолютно недоказуемо.

А денек был хорош. Яркий, солнечный, шумный. Как полвека назад. Когда она, вся на нервах – и в то же время абсолютно уверенная в успехе, – собиралась на премьеру «Дон Кихота»... Свою премьеру. Вот странно: миновали десятилетия, а кажется – всего день пролетел. Те же запахи, звуки, такой же солнечный луч преломляется в зеркале старинного трюмо... И Тверская улица под окнами почти не изменилась. По-прежнему красивая, величественная, шумная.

Лидия всем говорила, что устала и готова умереть, уже давно. Но сейчас, когда *это* наконец стало совершаться, она вдруг поняла, как ей не хочется уходить. Как жаль расставаться с летом, с любимой Москвой, со своей квартирой. И особенно – умирать по чужой воле. По воле человека, которого она хотя и мучила и терзала капризами, но всегда считала своим другом.

– Зачем?.. – из последних сил, еле слышно прошептала балерина.

Но ответом ей был лишь нетерпеливый взгляд. В чужих (родных?) зрачках дрожало: «Ну, скорей же, скорей!» И еще в них был интерес естествоиспытателя, который уверен, что ее агония неминуема, но ему еще важны и детали.

Она из последних сил дернулась, попыталась отбросить одеяло... «Я ведь никогда не сдавалась, никогда!»

Но солнце уже стало меркнуть в ее глазах, и уличные звуки слышались все отдаленнее, и Лидия уже не понимала: то ли пошли последние отписанные ей минуты, то ли просто наступает закат...

* * *

Нищие Надю Митрофанову обожали. Хотя в Москве миллионы народа – есть, наверное, и более жалостливые, и уж точно более богатые, – но из толпы всегда выхватывают именно ее. Неужели попрошайки и впрямь специальные курсы посещают? На которых учат: если девушка задумчива, носит юбку ниже колена и не очень стройна – обязательно подаст? И на срочную операцию, и на хлебушек погорельцам, и даже просто на бутылку?

Сколько Надя себя помнила – она всегда кому-то помогала, не только нищим. Выгуливала подружку собаку, бегала за хлебом для приболевшей соседки, подменяла в предпраздничный день коллегу... А что поделаешь, коли всевышний наградил тебя несовременным, мягким характером?

А уж мужики из Нади просто веревки вили. Взять хотя бы сердечного друга, Полуянова. Он охотно пользуется Надиной добротой – живет в ее квартире, всегда ходит в чистой, наглаженной рубашке, накормлен, ухожен... Но замуж при этом не зовет. Естественно: ему проще и приятнее уноситься куда-нибудь в вихре событий, уставать, набираться впечатлений – одному! – а потом возвращаться под надежное и уютное Надино крылышко. Отсыпаться в ее аккуратной спальне, отведаться ее пирогами.

Вот и сейчас он умотал в Питер. В кино его, видите ли, сниматься позвали. С хорошим режиссером, роль почти что главная, да еще и фильм по его собственной книжке, просто глупо, сказал, отказываться. А что актеры, даже далеко не звезды, часто своих подруг на съемки берут, об этом он вроде и не ведает. По крайней мере, когда Надя заикнулась, что у нее как раз отпуск не отгулял, а в Питере белые ночи, Димка только отмахнулся:

– Да ты что, зайнька! Я сам-то на птичьих правах, куда еще ты!..

Ну, а раз «зайнкой» называет – значит, точно планирует в Питере загулять. Приударить за какой-нибудь актрисулей.

Вот и надейся на этого Полуянова...

В итоге попрощались они холодно.

Дмитрий отбыл на свои съемки, между прочим, в вагоне люкс, в отдельном купе с туалетом и душем (виданное ли дело?), а Надежда твердо решила: скучать без него не станет. Она открыта для любых безумств, положенных свободной женщине, вплоть до похода на мужской стриптиз. Хватит терпеть, надеяться и ждать.

Правда, пока удалось договориться лишь с бывшим одноклассником Михаилом – и не на стриптиз, а просто поболтать в кафешке. Не свидание, конечно, просто дружеская встреча, но надо же с чего-то начинать!

...И когда после работы Надя, принаряженная, спешила к метро, к ней прицепилась очередная старуха! Схватила на входе в подземку за рукав, молвила жалобно:

– Деточка! Хоть ты остановись! Совсем мне плохо!..

Первым Надиным порывом было просто сбросить бабкину руку со своего плеча и сухо, как в Москве принято, буркнуть: «Бог подаст!»

Но все же – что за наказание этот ее характер! – она чуть притормозила, встретила со старушкой глазами... Одетая та оказалась чистенько. И лицо приятное. А главное, на щеках пламенем горел неестественный румянец. Верный признак, что давление подскочило.

И Надя не удержалась, спросила:

– Что случилось?

А про себя решила – если бабка сейчас начнет разливаться, что у нее дом сгорел, то она пошлет ее однозначно.

Однако никаких горьких повестей старуха излагать не стала. Тяжело оперлась на руку Нади и прохрипела:

– Голова кружится... И грудь давит... А лекарство я дома оставила... Адельфан.

Ну, адельфану – цена копейка. И аптека совсем рядом, два шага от метро.

«Но с какой стати мне с ней возиться? И так опаздываю!»

Хотя приходиться на свидание точно к назначенному часу – дурной тон. Куда эффективнее самой явиться позже, чем полной дурой ждать в кафе Мишку. Тот наверняка вовремя не придет, сейчас везде сплошные пробки, а одноклассник метро принципиально не использует. Лучше уж старушке помочь. Тем более у той и румянец расплылся совсем уж ярко. Ведь умереть человек может!

И Надя строго велела бабке:

– Адельфан я куплю. Пойдемте со мной, аптека рядом. Заодно и давление измерим. Там бесплатно можно.

И потащила старуху за собой.

А когда оказалось, что давление у несчастной под двести, Надя тем более не смогла ее бросить. Пусть Мишка, если хочет, обижается, но бабуле надо «Скорую» вызвать.

Однако, едва Надя вытащила мобильник, старуха взмолилась:

– Не надо «Скорой»!

И неожиданно извлекла откуда-то из складок одежды тысячную купюру, протянула Митрофановой:

– Пожалуйста, милая... Я тебе потом еще дам. Ты только меня домой отвези! Пенсионерка, швыряющая тысячи направо и налево, – это что-то новенькое. Надя отвела руку с дрожащими в ней деньгами и мягко произнесла:

– Что вы! Не нужно...

Снова метнула взгляд на часы – опаздывала она уже конкретно – и закончила:

– Куда вам домой, с таким давлением!

– А в больницу я не пойду, – упрямо поджала губы старуха. – Сама, что ли, не знаешь, как там лечат! Особенно нас, пожилых... Уж доберусь как-нибудь до дому. Здесь недалеко.

И попыталась встать. Покачнулась. Надя подхватила ее под мышки. Стоявший в очереди народ равнодушно взирал на мизансцену, а кто встречал Надин молящий взгляд – демонстративно отворачивался. Да, это Москва. У всех свои дела. Передоверить бабушку явно некому. Может, раз та такая богатая, просто пересадить ее на такси, и пусть катится?

И Надя пробормотала:

– А где вы живете?

Но старуха уже совсем сдала. Снова рухнула на стул, откинулась на спинку, прикрыла глаза. И прохрипела:

– В правом... кармане... Там адрес.

А какой-то дедок еще и поторапливает:

– Девушки, сколько можно стул занимать? Я давление измерить уже полчаса жду!..

Надя метнула на него гневный взгляд и отрезала:

– Значит, подождете еще!

Извлекла из бабкиного кармана аккуратно сложенный тетрадный листок, развернула, вчиталась в старческие каракули... Ого, а бабушка-то, похоже, из крутых! Вторая Тверская-Ямская улица, дом 54, самый центр.

Как сказал бы циничный Полуянов, весьма полезное, перспективное знакомство. Но главное, вот совпадение: ей самой как раз на Тверскую и нужно. Кафе, где они договорились встретиться с Мишкой, всего через два дома. Значит, это судьба. И человеку поможет, и на свидание попадет – пусть с опозданием.

Только прежде надо бабушку, хотя бы минимально, в порядок привести.

Надя решительно обошла аптечную очередь. Какая-то мадам попыталась квакнуть, но девушка возмущенно произнесла:

– Не видите, что ли? Человеку плохо!

– Нам всем тут плохо... – проворчала дама, но более возражать не стала.

«Могу ведь, когда надо, всех построить! – мелькнуло у Нади. – Жаль, только для других получается – а для себя никогда».

Она приобрела на собственные средства упаковку адельфана, нитроглицерин и бутылочку минералки. Вернулась к своей подопечной, дала ей лекарства – та безропотно выпила. Аптечная публика поглядывала на Надю даже с некоторым уважением – как смотрят на опытного, не теряющегося в сложных ситуациях доктора. А старушонка растроганно бормотала:

– Спасибо, детонька, что б я без тебя делала...

«Поехала бы, как все, в больницу, – сердито подумала Надя. – А теперь вот таскайся с тобой».

Выглядела ее пациентка уже лучше. Вряд ли столь быстро подействовали таблетки – просто отдохнула немного да и уверилась, что о ней позаботятся, на произвол судьбы не бросят.

«Одно непонятно: мне-то это зачем надо? – тоскливо подумала Митрофанова. – Шла на свидание, а вместо него с какой-то бабушкой вожусь. И ради чего?»

Вопрос риторический. Как насмехается тот же Полуянов, у Нади страсть к благотворительности в крови. Но только если другие на добрых делах целые состояния сколачивают, Надежде никогда не перепало и копейки. Ну, просто рука у нее не поднимется взять у несчастной пенсионерки ее с трудом скопленную тысячу!

Ловить такси до Второй Тверской-Ямской сейчас бессмысленно – вечер, машин полно, минимум час будешь ползти, хотя ехать всего ничего. Придется на метро. Только бы бабуся от духоты и толпы опять помирать не стала.

«Ну, тогда сдам ее дежурной по станции – и все», – твердо решила Надя.

В конце концов, у нее свидание или как?..

* * *

Лидия Крестовская исполнила свое последнее фуэте сорок три года назад. Исполнила блистательно – и ведать не ведала, что этот спектакль окажется для нее последним...

То был обычный, рядовой вечер: ни единого важного гостя в правительственной ложе не ожидалось, и давали «Лебединое озеро», повторенное, зазубренное, годами выстраданное, и никакого телевидения. Но только для примы это все неважно. Она лучше всех и обязана выглядеть и танцевать соответственно. Никому и в голову не должно прийти, что суставы с утра болели ужасно – пришлось просить верную Люську вколоть анальгетик.

...Крестовская беспечно улыбалась мужу, преодолевая боль, порхала по квартире и даже предложила любимому: вот она отработает сегодняшний спектакль, а потом они махнут в Крым. На целую неделю! И будут, как во время медового месяца, пить «Массандру» и бродить босиком по пляжу...

Мужу идея понравилась, и он пообещал, что немедленно по прибытии на работу отправит своего ординарца за билетами, и Лидия, конечно, сделала вид, что поверила. Хотя прекрасно знала, что Виктор на самом деле еще более сумасшедший, чем она, на своей службе горит. Так что в Крым влюбленной парочкой они станут ездить гораздо позже – когда оба окончательно состарятся...

А едва муж отбыл на работу и необходимость делать вид, что все в порядке, отпала, Лидия едва не застонала. Что же такое с ней? Боль в ногах – она привычная, ничего нового. И мигрень на погоду – тоже рядовое явление. И какой-то озноб, пробегающий по телу, – он не от болезни, от нервов. Потому что вечером – спектакль. И неважно, что сегодня, как говорят у них в театре, «колхозный день» – придут зрители по билетам, распределяемым профкомами. Она все равно обязана быть безупречной. Совершенством. Богиней.

Крестовская всегда стремилась к идеалу – еще с первых своих классов в балетной школе. Когда совсем девчонкой оставалась в репетиционном зале после уроков, запиралась, чертила на полу мелом круг. И до мушек в глазах отрабатывала пресловутые фуэте. Вылетая сначала после двух па, потом после трех, десяти, шестнадцати... А сегодня в «Лебедином озере» ей предстояло сделать тридцать два оборота. И она, разумеется, не сомневалась, что исполнено все будет безукоризненно. Без единой погрешности, точно в унисон с оркестром.

Но только балет – он ведь не математика. И не спорт. Здесь не всегда достаточно всего лишь четко и без помарок отработать номер. Должно присутствовать что-то еще. Душа. Огонек. Кураж.

А вот куража-то сегодня как раз и не было. И даже за несколько часов до спектакля предательская мыслишка закрадывалась: не позвонить ли в театр? Не сказать ли больной? Но ведь и без того идут шепотки: что она, Крестовская, готова сойти с дистанции. Раз призовешь на помощь дублершу, другой – а потом тебя и вовсе из первого состава снимут...

И Лидия снова кликнула безропотную Люську. Велела сделать еще один укол. И приказала себе не думать о хвори, забыть о ней. И уже стоя за кулисами в ожидании своего выхода,

поняла, что опять поступила правильно. Потому что эта особая атмосфера, дыхание зала, казавшееся сквозь плотный занавес шумом океана, способны излечить любое недомогание и любой сплин. И пусть сегодняшние зрители совсем не знатоки балета и дружно хлопают совсем не в тех местах, где положено, бешеная энергия их присутствия, их сопереживания все равно заряжала фантастически. А уж когда посередине второго акта она увидела в служебной ложе такое родное лицо... Виктор. Любимый. Несмотря на всю свою занятость, он пришел – и неприкрыто любит ее...

Осмеливалась ли она надеяться, когда в балетной школе получала лишь презренные роли снежинок и колокольчиков, что ей будет рукоплескать лучший театр страны? Могла ли думать, что ее лицо, в общем-то заурядное, привлечет внимание самого замечательного, самого благородного и достойного мужчины в мире?

Когда же спектакль закончился и Виктор поднялся на сцену, лично подал букет ее любимых алых роз (презрев строгое правило театра, что цветы здесь вручают служительницы), она и вовсе почувствовала себя самой счастливой женщиной в мире. И ведать не ведала, что это ее блистательное выступление окажется последним. Потому что сегодня ночью ее мужа не станет.

Виктор погибнет внезапно, нелепо, несправедливо. И его смерть настолько ее ошеломит, что Лидия больше не сможет выступать. Сначала от горя заболеет сама. А после, когда физическая боль отступит, поймет: ее основным козырем на сцене было то всепоглощающее, абсолютное счастье, которое она излучала. Но теперь мужа нет, и быть без него счастливой – абсолютно невозможно...

А дальше – без Виктора и без театра – ее жизнь окончательно покатится под откос. К забвению. К старости. К одиночеству. Медленно и неумолимо, ступенька за ступенькой.

* * *

Я всегда любил приключения – как и положено мальчишкам. У кого детство без них обходилось? Кто не уходил в пираты, не сбегал из дома в поисках сокровищ, не мечтал отыскать необитаемый остров? К тому же мне, в отличие от школьных друзей-приятелей, с родителями повезло. Обычно-то папаши с мамашами лишь ухмыляются, заведи с ними чадо речь о кладах. В лучшем случае просят оставить их в покое, а то и вовсе сажают дите под замок – чтобы не сбежало на свой необитаемый остров. А у меня родители сами романтики. До сих пор помню, как у мамы горели глаза, когда она читала мне сказки про всяческих прекрасных принцев. А отец – тот вообще однажды старинную карту принес. На выцветшей бумаге, с ятями. И к ней – писанное чернилами сопроводительное письмо. Что в дальнем Подмосковье, за пару верст от деревеньки Туканово якобы изрядный клад зарыт. О-о, это были лучшие деньки в моей жизни! Когда вместе с папаней мы разрабатывали маршрут, брали напрокат металлоискатель, потом долго ехали, а ночью, при свете фонариков, копали в искомом квадрате землю... И, кстати, действительно клад нашли: старинный, девятнадцатого века, медный подсвечник.

Я, когда подрос, долго у папани выпытывал – сам ли он все придумал, и карту нарисовал, и подсвечник в чистом поле припрятал. Но тот, партизан, так и не признался. Только еще больше туману напустил. Мол, когда я совсем взрослым стану и докажу ему, что вырос достойным человеком, он мне и вовсе потрясную историю поведает. Про какой-то вроде бы совсем сумасшедший клад, который к тому же и принадлежит мне по праву... Заинтриговал ужасно, но ничего больше не рассказал, одни сплошные родительские напутствия: ты, сын, учись, набирайся мудрости, опыта. Потому как реальные богатства должны доставаться лишь тем, кто имеет право ими владеть. А если сокровище попадет в руки желторотого юнца, у которого к тому же во второй четверти трояк по русскому, то никакого толку не будет. Вот я

и гадал: отец во мне стремление учиться таким образом вызывает? А может, он сам в детстве кладов не наискался? Ну, как в том анекдоте, когда мужика спрашивают, сына он хочет или дочку. А тот отвечает: «Конечно, сына! Чтоб наконец железную дорогу купить».

Но, как бы то ни было, родителей я обожал. Никогда они меня не давили, не ломали – что хочешь, то и твори. В разумных пределах, конечно. Сплошных пятерок не требовали, музыкой заниматься не заставляли. Единственное, на чем отец настаивал: чтоб я английский знал, как родной. Не для профессии, а потому, что цивилизованному человеку без иностранного языка никак. А у мамы был другой пунктик, она с детства мне на мозги капала: научись, мол, хоть что-нибудь делать лучше других. Что угодно, пусть даже мелочь. Танцевать, жарить яичницу, чинить розетки, рисовать закат...

Я правда пытался английским языком отделаться – достаточно, что его буду знать лучше, чем окружающие. Но не прокатило. Маман все зудела, что знание языка – умение рядовое. А ей, видите ли, изюминка нужна. Точнее, не ей, а чтобы сын у нее был с изюминкой. Мол, самому мне когда-нибудь это пригодится.

Ну, что ж. Всякие пляски, готовка или картинки – занятия для девчонок, а я, мужчина, выбрал себе другое. Не самое сложное, но эффектное. Я решил научиться смешивать коктейли. Всякие. Лучше любого бармена. В юном возрасте практиковался на взбитых сливках, мороженом, газировке и сладких сиропах. Ну, а потом пошли «Дайкири», «Мохито», «Черный русский», «Секс на пляже» и сотни, без преувеличения, сотни других, менее известных. И мама (хотя выбранное мною хобби, я видел, ее несколько разочаровало) всячески поощряла мои старания. Доставала специальные книжки, искала ингредиенты, безропотно давала деньги на шейкеры и все положенные бокалы...

Самое интересное, что эта, как я всегда про себя думал, родительская блажь действительно сослужила мне добрую службу. Потому что, когда я уже учился в институте (ничего особенного, просто на инженера-гидростроителя), у нас вдруг объявили конкурс: пятеро самых лучших студентов едут на стажировку в Америку. Это был девяносто восьмой год, Америка всем казалась невыразимо сладким раем, и за поездку разгорелась самая настоящая битва. И я, далеко не отличник, был почти уверен: победа мне не светит. С чего американцам брать рядового четверочника, когда мой однокурсник N. уже опубликовал пару статей в научных журналах, а однокурсник P. помимо пятерок по всем предметам еще и отлично играет в теннис? Но все же (во многом благодаря вбитому папаней английскому) я прошел в число финалистов и оказался на собеседовании, которое проводили штатники. Ну, один из них и спросил, словно бы между делом:

– По поводу ваших научных интересов мы поняли. А что, господин Шипов, вы умеете делать лучше других?

Я и брякнул:

– Коктейли смешивать.

– Водку с апельсиновым соком? – серьезно поинтересовался америкос.

А я скромно ответил:

– Ну, если вы имеете в виду «Screwdriver», то я умею готовить по меньшей мере десять его различных вариаций...

И стал рассказывать, какие.

И, мой бог, американцы сразу чрезвычайно оживились, перестали рассматривать пейзаж за окном и украдкой заглядывать в газеты. А на девятом варианте – в коктейль добавляют палочку корицы, а бокал украшают приготовленным по особому рецепту цукатом – сломались. И в Штаты – в компании четверых факультетских зануд – отправили и меня.

И что самое удивительное: коллег-товарищей по истечении двух месяцев стажировки дружно отослали домой. А мне предложили учиться дальше: «Есть в вас, господин Шипов, какая-то изюминка...»

На первых порах мне пришлось тяжело. Американцы – они ведь не совсем благотворители. Оплачивали одну учебу, а жилье, учебники и еду приходилось, хоть умри, добывать самому. Но я не роптал. Тем более что разрешение на работу part-time было. Начинал в скромном ресторанчике официантом, потом пару раз подменил заболевшего бармена... А однажды шеф попробовал смешанный мною «Закат над Карибами» – тут и наступил мой звездный час. И очень скоро на коктейли «этого русского» начал ходить практически весь студенческий городок. Теперь одних чаевых хватало, чтобы платить за жилье и прочее – ну, а я ведь еще и всякие милые хитрости практиковал. Хорошо знакомые любому российскому бармену, но неизвестные в Штатах. Чуть менял рецептуру – чтобы вкус был, как у настоящей «кровавой Мэри», но и лишняя водка оставалась.

Потому жил почти как король. Любые джинсы и все, что положено, и родителям в Москву регулярно посылки отправлял... Да и в университете дела неплохо шли. Студенты ведь в основном на две группы делятся: или откровенные ботаники, не приспособленные к реальной жизни, или же конкретные лоботрясы. А я оказался как раз посерединке. Удовлетворительный багаж знаний плюс немалая практическая сметка. То есть человек, безусловно полезный любому работодателю. Потому у меня уже на последнем курсе было как минимум пять предложений о работе. Так и удалось зацепиться за страну. Начинал помаленьку, на смешной зарплате, и сейчас, спустя десять лет, не барствую, конечно, но свои сто тысяч в год получаю. А этой весной осуществил наконец давнюю мечту. Вытащил к себе в гости родителей. И получилось, честное слово, как в моем детстве – только наоборот. Тогда маман с папан пытались устроить мне сказку – приключения, клады, цирки, интересные книжки и прочее. А теперь – я им настоящую нирвану организовал. В Москве-то они, пенсионеры, привыкли каждую копейку считать и на рынках в целях экономии отовариваться. В Штатах же, с моей помощью, конечно, они могли позволить себе все, что угодно. Любые рестораны, покупки в дорогих магазинах, всевозможные театры с музеями...

Родители мои милые, как-то вдруг в одночасье постаревшие, откровенно наслаждались открывшейся им «страной больших возможностей». Голливуд, Лос-Анджелес, Лас-Вегас, даже Диснейленд – все это радовало их, словно детей. А больше всего, я видел, они были счастливы потому, что я, их любимый и единственный сын, реально вписался в американскую действительность. У меня есть свой дом и новенькая «Тойота», и в ресторанах я им помогаю заказывать, и на самые достойные распродажи вожу...

А вечером, уже накануне их отъезда, папа попросил, чтоб я отправил маму «в какой-нибудь самый затягивающий магазин». И на ушко шепнул:

– Чтоб как можно дольше бродила... Мне с тобой поговорить надо. Как мужчине с женщиной.

И за «Манхэттеном», моим фирменным коктейлем, словно бы между прочим спросил:

– Влад, скажи. Ты когда-нибудь слышал про генерал-полковника Маркова?

И уставился испытующе.

А я в полководцах не силен и потому брякнул первое, что пришло в голову:

– Улицу генерала Маркова в Москве помню. Там еще неплохой кабак был... Не знаю, остался ли он сейчас.

Отец поморщился:

– Все бы тебе кабаки!

Сделал еще один глоток моего «Манхэттена». И назидательно продолжил:

– Генерал-полковник Виктор Петрович Марков, к твоему сведению, известнейший офицер. Кавалер множества орденов. Это благодаря ему мы одержали победу на Курской дуге. Маршал Жуков о нем писал, что это был в высшей степени грамотный военный, сделавший очень многое для укрепления обороноспособности нашей страны.

– Очень интересно, конечно, – вежливо начал я. И невежливо закончил: – Только мне-то что до него?

Но отец будто не слышал. Задумчиво произнес:

– Генерал Марков, помимо прочего, был исключительно обаятельным человеком. Высокий, статный, породистый. Считался одним из первых красавцев столицы. Но женить его на себе долго ни у кого не получалось. Очень долго. И только когда ему было сорок, он вступил в брак. С очень известной балериной. Лидия Крестовская, ее-то ты хотя бы знаешь?

– Ага, – кивнул я. – Читал. Это та самая, что могла фуэте в шестьдесят четыре оборота прокрутить?

– Ну, про шестьдесят четыре оборота – это, наверно, преувеличение, но примой Главного театра страны она была очень долго.

– Что ж. Генералы часто женятся на балеринах. Работа такая, – кивнул я, решительно не понимая, к чему клонит папаня.

– Это была пара, известная на весь Советский Союз. И жили они, кажется, счастливо. По крайней мере, генерал обязательно присутствовал на всех выступлениях Крестовской. И всегда дарил ей букеты – охапки ее любимых алых роз...

Отец снова запнулся. Я терпеливо ждал.

– Я читал все, что написано об этих людях – по крайней мере в официальных источниках, – но ответа на свой вопрос так и не нашел. Поэтому остается лишь гадать: а знала ли она?.. И я почти уверен, что знала. Она была – да и сейчас остается – исключительно мудрой и тонко чувствующей женщиной...

– Кто – она?

– Лидия Крестовская. Законная супруга генерала.

– Да о чем знала-то?

– О том, что у Маркова была другая семья. Неофициальная. И что у него растет дочь.

И тут я начал наконец догадываться. Ведь моя мать – когда я пытался ее расспрашивать – никогда не рассказывала о своем отце...

– Ты хочешь сказать... – выдохнул я.

– Да, – грустно кивнул папа. – Генерал Марков – твой дед.

– Но...

– Доказать это невозможно, – торопливо сказал отец. – Тот его первый брак не был зарегистрирован. И в свидетельстве о рождении твоей мамы в графе «отец» стоит прочерк. Свою связь Марков и твоя бабушка тщательно скрывали. Однако о дочери генерал знал. Вплоть до самой своей смерти помогал им деньгами. Выбил квартиру...

Так вот почему моя скромная бабушка проживает в роскошной кирпичной «двушке» в престижнейшем столичном районе!

– А когда, ты говоришь, генерал умер? – пробормотал я.

– Очень давно. Сорок три года назад.

– А ты мне рассказываешь только сейчас, – обиженно буркнул я.

Отец же спокойно парировал:

– Но зачем тебе было знать об этом раньше? Чтобы хвастать своим именитым родственником перед одноклассниками?

– Да при чем здесь хвастать! – хмыкнул я. – Просто я знал бы: от кого у меня этот медальный профиль. Генеральские повадки. Пронзительный взгляд... В конце концов, улица Маркова – в какой-то степени в мою честь названа!

– Не надо ерничать, Влад, – устало произнес отец. – И повторюсь: юридически – тебе Марков не дед. Твоя бабушка никогда не пыталась посягать на его фамилию. И на его имущество.

– А... много у него было имущества?.. – вкрадчиво поинтересовался я.

– Сколько бы ни было – тебе оно не принадлежит, – отрезал отец. – У генерала есть законные наследники.

– Ну, и какой мне тогда от этого родства толк? – хмыкнул я.

– Все бы тебе толк, Владик... – вздохнул отец. – Хотя, может быть, так и нужно. Вон ты какой практичный. В Америке на хорошей должности, свой коттедж, машина... – И одним махом допил свой коктейль. А потом отставил бокал и веско произнес: – Ладно. Все-таки расскажу. Дело в том, что твоей маме – и тебе – действительно кое-что завещано. Это старинная, принадлежавшая еще бабке Маркова брошь. Удивительно изящная, с чистейшей воды бриллиантом в центре. Очень дорогая... Генерал всегда говорил, что она должна достаться его единственной дочери.

Мое сердце предвкушающе забилося. Кажется, разговор сворачивал на тот самый, исключительной ценности, клад. На который еще в моем далеком детстве глухо намекал отец.

– Марков очень ценил, что твоя бабушка не стала поднимать шума, когда он ушел от нее – ушел к блистательной Крестовской. И пусть он бросил свою любовницу – но не бросил дочь. И, чтобы доказать это, написал завещание. Вот оно.

Отец извлек из кармана и бережно расправил пожелтевший от времени листок. Я жадно вчитался в написанные уверенным почерком строки:

Завещание

Двадцать пятого марта Одна тысяча девятьсот шестьдесят шестого года.

Я, Марков Виктор Петрович, проживающий по адресу: город Москва, улица 2-я Тверская-Ямская, дом 54, квартира 16, настоящим завещанием на случай моей смерти делаю следующее распоряжение:

Из принадлежащего мне имущества, как то: брошь из драгоценных камней и бриллиантов, изображающая сидящего на цветущей ветке орла с распростертыми крыльями, который держит в клюве желтый бриллиант размером четыре карата огранки «бриолет», покрытая изумрудами, рубинами, сапфирами и бриллиантами огранки «подушечкой», в серебряной и золотой оправе, изготовлена приблизительно в 1750 году, длина – 7,6 см – завещаю Лукиной Марине Серафимовне (девичья фамилия, имя, отчество моей мамы!) в ее полное и безраздельное владение.

Содержание соответствующих статей ГК РСФСР мне разъяснено. Настоящее завещание составлено и подписано в двух экземплярах, один из которых направляется на хранение в Государственную нотариальную контору номер 8. Настоящее завещание удостоверено мною, нотариусом Котенковым Г.В.

И подпись:

В. Марков

– Пап... – тихо вымолвил я. – Но это ведь вообще обалдеть!.. Такая вещица! Она ж бешеных денег стоит!..

Отец лишь вздохнул.

А я перешел к следующему – очень, признаться, меня волнующему вопросу:

– Но где эта брошь сейчас?

– Ох, Влад... – вздохнул отец. – Теперь мы переходим с тобой к самому сложному. Дело в том, что драгоценность скорее всего находится у Лидии Крестовской. У той самой балерины.

– Но с какой стати? – опешил я.

– Знаешь... жизнь иногда выкидывает досадные фортели... Grimаса судьбы, больше ничего. Брошь всегда хранилась в доме твоей бабушки – хотя моя теща, понятное дело, никуда с ней и не выходила. В те времена кто мог себе позволить появляться с бриллиантами? Жены дипломатов, те же звезды балетные, но не простая учительница, как твоя бабка.

Поэтому она любовалась сокровищем лишь дома. И однажды, примеряя брошь с новым платьем, случайно сломала у нее замочек. Очень расстроилась, конечно, расплакалась, позвонила Маркову... А тот (хотя отношения у них к тому времени почти разладились) успокоил ее и пообещал, что он отнесет драгоценность к ювелиру и починит. И он все сделал, позвонил твоей бабушке и сказал, что замочек исправили и завтра он брошь вернет. А ночью генерал внезапно скончался. Погиб при невыясненных обстоятельствах. И драгоценность принести не успел.

– Но если есть завещание... Надо было явиться к этой балерине! Потребовать свое!..

– Твоя бабушка, а потом и твоя мама делать это категорически отказались.

– Почему?

– Бабушка – та просто очень боялась того, что все узнают об ее отношениях с генералом. Ведь она коммунистка была, секретарь парторганизации. И вдруг – внебрачная связь, да с кем! А мама... Ну, ты же знаешь нашу маму. Она очень любит сказки про принцев – и совсем не приспособлена к жизненным дрызгам. А тут бы пришлось доказывать, спорить... Возможно, судиться... Не захотела сама – и мне не позволила.

– Ну, а сейчас... Сейчас, наверное, слишком поздно, – задумчиво произнес я. – У завещаний, кажется, какие-то сроки давности есть... Не вступил вовремя в наследство – и все, до свидания.

– Но ведь текст завещания остался. И его копия в нотариальной конторе наверняка тоже, – задумчиво произнес отец. – И Лидия Крестовская еще жива. И ты, – он внимательно взглянул на меня, – наконец вырос и производишь впечатление человека, который... м-мм... умеет устраиваться в жизни.

– Я все понял, папа, – поспешно кивнул я. – Я все понял...

* * *

Старики – они как дети. Только что горе горькое, жизнь кончена, но обрати на них внимание, пожалей, приласкай – и мгновенно расцветают.

Вот и спасенная Надей бабулька, совсем недавно почти что умиравшая, в метро воспрянула – несмотря на час пик и духоту. Царственным кивком поблагодарила паренька, что уступил ей место, и даже пыталась, перекрикивая грохот поезда, завязать с Надей классическую пенсионерскую беседу: мол, цены растут, на улицах грязь, а из-за приезжих шагу ступить некуда...

Надя в разговор не вступала. Ей места, разумеется, никто не уступил, и она, одной рукой вцепившись в поручень, второй пыталась отстучать однокласснику Мишке извинительную эсэмэску. На свидание она уже опоздала – как минимум на двадцать минут. Может, просто бросить бабку на «Пушкинской» и со всех ног рвануть в кафе? А то ведь, мелькнула предательская мыслишка, Мишка может и не дожждаться. Он парень видный, а в столичных увеселительных заведениях девушек вечерами куда больше, чем молодых людей...

Но отвязаться от старухи оказалось непросто. Едва они вышли на станции, та по-хозяйски оперлась на Надину руку и объявила:

– Домой пойдем по Дмитровке – там народу меньше.

– Послушайте! – психанула Надя. – Давайте вы сами пойдете по Дмитровке! А я, между прочим, опаздываю!

И бабка мгновенно преобразилась: снова потерянный взгляд выцветших старческих глаз, и дрожащие губы, и воздух начала хватать, будто задыхается, и взмолилась:

– Деточка! Не бросай меня!

Вот артистка!

А тут, очень кстати для старушенции, и от Мишки ответная эсэмэска пришла: дескать, извини, застрял в пробке, когда доплетусь, неизвестно.

Надя же короткой вспышкой вдруг увидела себя со стороны. Что у нее за нескладное житье-бытье! Кругом полно счастливых парочек, девчонки – сплошь с сияющими глазами и с букетами, а ее постоянный поклонник, видите ли, на съемках в Санкт-Петербурге. Кадрит актрисок и прочий кинематографический персонал. А поклонник временный неизвестно когда доплетется. Да еще и незнакомая бабка на плече повисла...

«Так, видно, всегда и будет, – грустно подумала она. – Вечно я решаю чужие проблемы, провожаю других. А те, кого жду я, не приходят...»

И дело, конечно, не в безобразно опаздывающем однокласснике. Бог с ним, с Мишкой. Главное, что Дима Полуянов – ее единственная и настоящая любовь – не звонит. Уже целых три дня...

Старуха же, будто почувствовав ее состояние, вдруг спросила:

– Детонька... А ты уверена, что вообще хочешь идти на это свое свидание?

– С чего вы взяли про свидание? – буркнула Надежда.

– А куда еще можно спешить в центре Москвы в восемь вечера? – улыбнулась бабуса.

И вдруг предложила: – Давай лучше ко мне в гости пойдем. Я тебя чаем напою...

«...И буду весь вечер вещать: про низкую пенсию да про всякие артриты с артрозами».

– Нет, спасибо, – покачала головой Надя. – До подъезда вас доведу, раз уж взялась, а дальше у меня дела.

Бабка же проницательно взглянула на нее и вдруг вымолвила:

– Знаешь, милая. Я не буду тебя уговаривать. Скажу лишь одно: когда тебе будет восемьдесят восемь – как мне, – ты поймешь, что в старости сожалеешь совсем не об ушедшей молодости и не о былой красоте. Жальче всего тебе будет времени, которое ты в своей жизни потратила – на неинтересных людей, на пустые разговоры. На ненужные свидания...

– А вы, конечно, человек исключительно нужный, – не выдержала Надя.

Старуха лишь рукой взмахнула:

– Да разве я про себя! Что я – ноль, безликая тень. Всю жизнь в домработницах. Я тебя совсем с другим человеком познакомиться хочу. С хозяйкой своей. С Лидией Крестовской. Слышала про нее?

– Крестовская? Это... это та самая? Знаменитая балерина? Любимица Сталина? – наморщила лоб Надя.

– Она не просто балерина, – строго произнесла старушенция. – Лидочка – великий человек. Талантливый. Мудрый. – И неожиданно сбавила пафосный тон, взглянула моляще. – Давай поднимемся. Пожалуйста! Лидочка, она... она очень одинока! И так любит, когда к нам приходят гости!

Надя когда-то видела – разумеется, в записи, совсем старой, черно-белой, – сколь блистательно Крестовская танцует партию Китри в «Дон Кихоте». И, помнится, поразились – даже не технике исполнения, а той бешеной энергии, что излучала балерина. Она вся была огонь, вихрь, сгусток счастья. Но то были съемки, кажется, шестьдесят какого-то лохматого года. Сколько ж сейчас Крестовской лет?

А старуха продолжала уговаривать:

– У нас профитроли есть, я утром сама испекла. И сыр, настоящий французский бри, Егор Егорович принес. И вино. Сухое красное вино. И... разве тебе не интересно познакомиться с человеком-легендой?

«Ага. Только эта легенда – наверняка старуха еще постарше тебя. Начнете меня на пару рассказами о своих болячках грузить».

И Надя совсем уже было собралась отказаться – но тут ее мобильник возвестил об еще одной эсэмэске. «Я только на Шереметьевской. Ехать минимум полчаса», – сообщал одноклассник.

А она-то переживала, что на целых двадцать минут опаздывает!

И Надя вздохнула:

– Ладно. Я поднимусь. Только совсем ненадолго.

...Подъезд в доме балерины оказался абсолютно барским – с широченной мраморной лестницей, зеркалами, пол устлан ковром. Вход сторожил военной выправки консьерж. Он кивнул бабке, мазнул внимательным взглядом по Наде. Подозрительно спросил:

– Девушка с вами?

– Да, – с достоинством кивнула старуха. И зачем-то добавила: – Ее пригласила Лидия Михайловна. Лично.

Страж больше никаких вопросов задавать не стал, снова уткнулся в кроссворд. А когда поднялись на скоростном, явно позднейшей постройки лифте на пятый этаж, оказалось, что их встречают и здесь. Дверь квартиры распахнута, о косяк опирается дядька – какой-то весь рыхлый, неприбранный, нескладный. Но глазенки цепкие, и рот кривится недовольно.

Старушеница так и бросилась к нему. Ласково – и немного заискивающе – пропела:

– Познакомьтесь, Егор Егорович. Это... это... – В бабкином взгляде мелькнула паника.

Ну, конечно. О своих горестях она повествовала охотно, а именем человека, который ей помог, даже не поинтересовалась.

– Надя, – пришла на помощь Митрофанова.

– ...Надя... она просто спасла меня сегодня. Мне стало плохо, и Надя помогла мне добраться домой, и...

– И вы, доверчивая моя, конечно, пригласили ее на чай, – ухмыльнулся неприятный мужик.

Наградил Митрофанову еще одним испытующим взглядом, но не посторонился. И обратился уже к ней:

– Значит, очередная шустрая девушка – в этот раз по имени Надя. А фамилию вашу, любезная Надя, позвольте узнать?

Да что он себе позволяет, этот мерзкий тип?

Надя (получилось не очень-то вежливо) сбросила бабкину руку со своего предплечья. Пробормотала (любимую, кстати, фразочку Димы Полуянова):

– А ПИН-код к моей кредитке вам не нужен?

Вот так всегда: поможешь – а тебя еще и оскорбят.

Бежать отсюда, и как можно быстрее.

А когда повернулась к лифту, вдруг услышала за своей спиной властный голос:

– Подождите.

Голос был женским, и таким непререкаемым тоном могла говорить только звезда. И Надя, конечно, не выдержала – обернулась. Хоть она и уходит, но все равно любопытно хоть посмотреть – вживую! – на легендарную Крестовскую...

И аж глазами захлопала: потому что увидела настоящую королеву. Идеальной осанки, с безупречной прической, тонкой кости руками, уверенным взглядом. В первую секунду ей показалось: женщине лет пятьдесят, не больше. Лицо почти без морщин, белоснежные зубы, а главное – улыбка. Молодая, веселая.

Женщина надменно бросила противному Егору Егоровичу:

– Иди в дом.

И тот как-то сразу сдулся, послушно исчез в недрах квартиры.

А Наде королева протянула руку:

– Я – Лидия Крестовская.

– Очень приятно... – пробормотала девушка.

– Прошу вас, проходите, – светски пригласила балерина.

А едва Митрофанова сделала шаг в прихожую, танцовщица произнесла:

– И скажите наконец кордебалету, чтобы начинали.

– Что?.. – пискнула Надя.

Увидела, как домработница бросает на нее из-за спины балерины умоляющий взгляд и машет рукой: соглашайся, мол!

– Сколько можно возиться! – капризно сказала Крестовская. – Мой выход через три такта, а эти девицы до сих пор не на сцене!

И Наде ничего не оставалось, как пробормотать:

– Да, хорошо, я скажу.

Вот влипла! Балерина-то, похоже, в маразме!

– Извините, пожалуйста, но мне надо идти, – твердо произнесла Надежда.

Домработница же спокойно сказала, обращаясь к своей хозяйке:

– Ты все путаешь, Лидочка. Спектакля сегодня нет, мы с тобой дома, и эта девушка, Надя, наша гостья.

– Да, да... – пробормотала балерина, будто просыпаясь. – Мы дома, и я больше не служу в театре... И Виктора нет...

Она сразу как-то состарилась, сгорбилась, поникла.

И вдруг спросила Надю уже совершенно другим, будничным тоном:

– Тогда попробую догадаться. Моей любимой экономке, наверно, опять стало плохо на улице? И вы, добрая душа, помогли ей домой добраться?

А потом ласково, по-матерински, обняла Надю за плечи и виновато проговорила:

– Спасибо вам за Люську. И – простите меня... Сами понимаете: годы. Я не сумасшедшая, нет. Я просто иногда забываюсь. – И, тревожно взглянув в Надино лицо, добавила: – Но вы ведь не испугались? Не уйдете? Выпьете с нами чаю? Вы не беспокойтесь: со мной такое не часто бывает, и я совсем не в маразме, и очень люблю гостей, и хотела бы еще раз выразить вам свою благодарность за Людмилу...

И такая в ее голосе звучала тоска, такое одиночество, что у Нади аж горло перехватило.

– Пожалуйста. Оставайтесь, – повторила балерина. – К нам так давно... никто не приходил.

И разве можно было теперь развернуться и уйти?..

* * *

Ксюшка и в страшном сне не могла представить, что когда-нибудь скатится до работы в сберкассе. Ей хотя и тридцати еще нет – а уже успела поработать в самых успешных банках. И операционисткой, и в бэк-офисе, и даже менеджером кредитного отдела. Доходы не сравнить, конечно, с теми, что начальство хапало, но на нормальные шмотки ей всегда хватало. И на косметику. И чтобы в отпуск поехать, как положено успешному человеку, хотя бы в Турцию. А тут вдруг кризис, гори он огнем! И банки пусть и не закрываются, но хитрят по-всякому. Или иди на полставки, и зарплату при этом срезают даже не в половину – на три четверти. А не нравится – пиши по собственному. Кадровик (под самым-то землей дрожит, скоро тоже попрут с волчьим билетом) ей так заявил:

– Смысла никакого нет нам, Оксана Васильевна, вас оставлять. Безработных сейчас в Москве пруд пруди. Мы на ваше место человека и с высшим образованием можем взять, и более ответственного, и некурящего к тому же.

Вот далось им это курение! Начальству, значит, можно, а ей, простой операционистке, нельзя?..

Сначала Оксанка вообще думала на свой прежний банк в суд подать – за незаконное увольнение. Или даже купить справку о фальшивой беременности и отхватить под это дело пособие в размере нескольких полных окладов. Да в последний момент страшно стало. Против буржуев попробуй попри. Вон, их начальник службы безопасности – натуральный уголовник, за судебный иск и пристрелить может. Да и репутация скандалистки ей не нужна – вдруг кризис кончится, все опять начнут хапать прежние деньги, а ее и не возьмут никуда... Потому она решила пересидеть сложное время в банке попроще. Хотя бы в государственном. Зарплаты, конечно, там совсем несерьезные, да и тех, кто в сберкассе когда-то трудился, потом в нормальные места неохотно берут. Но не в продавщицы же ей идти? А в любовницы сейчас тоже не устроишься. Это раньше брателлы по две-три девчонки каждый содержали. А теперь и у них кризис – любовниц в отставку, сидят по домам и растолстевшим женам на горькую судьбину жалуются.

Обидно, конечно, в расцвете сил и лет коротать время в сберкассе, где работают одни неудачники. Компьютеры здесь древние, кресла продавленные, вместо кондиционеров сквозняки. Да еще и работы выше крыши. А в прежнем-то банке за целый день от силы десяток клиентов явится, перекуривай – не хочу. А тут бабки очередь за час до открытия занимают и даже, совсем архаизм, списки пишут, чтоб никто посторонний не проскочил. И обслуживать их сплошная морока – одна не слышит, другая не видит, у третьей руки дрожат, выдает какие-то закорючки, ни капельки не похожие на подпись в банковской карточке. Ну, и претензии, конечно, постоянные: «А почему у меня в этом месяце пенсия на сорок два рубля меньше? А чего это мне до сих пор компенсация за похороны мужа не пришла?..» Будто она, Ксюша, им пенсии начисляет!

Тут, правда, в начальниках службы безопасности мирный дед, и никакой корпоративной этикой даже не пахнет – маникюр делать необязательно, а улыбаться бабкам и вовсе никто тебя не заставит. Но все равно: с девяти до восьми не покладая рук ублажать вечно недовольных старух – это тяжело. Ксюшка иной раз еле удерживалась, чтоб не запустить в лицо какой-нибудь особенно вредной чем-нибудь тяжелым, хотя бы массивной стальной зажигалкой. А то ведь и покурить времени нет. Утром как засядешь перед своим окошечком – так и терпи до обеда.

Одна радость: отделение у них в самом центре, на Тверской, и сюда иногда знаменитости заходят – из тех, кто еще не все деньги перевел в Швейцарию или на Кайманы. Она и Збруева обслуживала, и Чурикову, и режиссера Стефановича, и даже рэпера Тимати однажды.

Вот и сегодня ровно к девяти, к открытию банка, к ним снова подвалила знаменитость. Какая-то старенькая совсем, и лицо ее если и казалось знакомым, то очень смутно. Но остальное все как положено: пальцы унизаны бриллиантами, осанка царственная, за спиной топчется сопровождающий – блеклый мужичок. Да и бабки, что держали возле окошечка оборону, расступились перед вновь прибывшей безропотно. Ксюшка только шепотки услышала: «Крестовская! Сама Крестовская!..» А кто это, интересно, такая? Оперная певица, что ли? Хотя нет, те все толстые, у этой же фигурка что надо. Ксюшка хоть и сидела на диетах, и курила, можно сказать, специально, чтоб лишний вес не прилипал, но о подобной стройности только мечтать могла.

Впрочем, стройная – не стройная, в бриллиантах – не в бриллиантах, а все равно бабка. Безумная, как и прочий в их банке, не столь прославленный контингент. Как подошла к окошку, так и стоит, глазами хлопает, разглядывает грошовые календари на стенах. И ни слова. Вместо нее безликий мужичонка заговорил:

– Нам нужно оформить завещание на вклад.

И сам же бабкин паспорт протягивает.

– Крестовская Лидия Михайловна, – быстренько вбила в компьютер Ксюшка.

Ого, а бабулька-то не из бедных. Не супербогатство, конечно, но три миллиона рублей-ков.

Ксюшка вскинула на мужичка взгляд:

– Но вклад уже завещан. Вот, здесь написано: Пономаренко Людмиле Петровне.

– Да, да, – вдруг вернулась к действительности сама завещательница. – Люсеньке, моей Люсе. Пусть ей все остается, у нас с ней такой договор: у нее завещание на меня, у меня – на нее.

– Лидия Михайловна, не дурите, – прошипел мужик.

– А вы не давите на нее! – прикрикнула на противного Ксюшка. А Крестовской (все-таки знаменитость, имеет право на малую толику уважения) предложила: – Может быть, что-нибудь еще? Вчера как раз проценты за май пришли, могу их выдать, или давайте ваш вклад на годовой депозит переложим, по нему доходность больше.

– Нет, благодарю вас, – церемонно отказалась дама. – Ничего не нужно.

– Ну, и чего вы тогда хотите? – начала раздражаться девушка.

А безликий мужичонка вдруг оттер свою титулованную спутницу от окна и сердито прошипел:

– Я же вам сказал! Нам нужно оформить *другое* завещание! Вот на этого человека! – И протянул ей паспорт.

Баченко Егор Егорович. И фотография – его же. Ах ты, жулик!

Но она ведь тоже не идиотка!

И Ксюшка, повысив голос, вновь обратилась к Крестовской:

– Лидия Михайловна! Посмотрите на меня. Вы действительно хотите оставить свои деньги не этой вашей Люсе, а господину Баченко?

И натолкнулась на потерянный, непонимающий взгляд:

– Как? Как вы сказали?

– Лидия Михайловна, – ледяным тоном прошипел мужик. – Давайте мы с вами не будем в очередной раз устраивать концертов!

А Крестовская его будто не слышит. Вдруг облокотилась обоими локтями на стойку, улыбнулась Ксюшке и тоном заговорщицы произнесла:

– Хочешь в Главный театр сходить? Сегодня «Жизель» дают. Я там солистка...

Ох, бабуська! Куда тебе вклады завещать? К психиатру идти нужно!

И Ксюшка твердо произнесла:

– Возьмите, Лидия Михайловна, ваш паспорт. Я вам ничего оформлять не буду.

– Паспорт? – недоуменно уставилась на нее та. – Чей?

– Да ваш же!

Вот Альцгеймер несчастный!

Но документ старуха не взяла. Она под гневным взглядом своего спутника все больше тушевалась, сдувалась. И наконец пролепетала:

– А вы уже сделали, что Егор Егорович сказал?

Но ответить Ксюшка не успела.

Сама не заметила, как сзади подкралась заведующая, нависает над ней, шипит:

– В чем дело?

– Да вот... – начала девушка.

А мерзкий Баченко вдруг расплылся в улыбке, заулыбался ее начальнице, как родной:

– Карина Измаиловна! Здравствуйте! Рад вас видеть!

И она отвечает, да вежливо так:

– О, приветствую, Егор Егорович!

Действительно, оказывается, знакомец. Прикормил начальницу. Потому что та немедленно рывкнула на Ксюшку:

– Делай все, как он велит!

А сама – бегом в оперзал. Подхватила под руку несчастную старуху и залепетала восторженно:

– Лидия Михайловна! Какая честь для меня! Но почему вы в общем зале? Пойдемте, пойдемте же скорее в мой кабинет!

Та, как и все знаменитости, от комплиментов аж расплылась. С важным видом удалилась под ручку с заведующей. А паспорта – ее и омерзительного Баченко – остались у Ксюшки.

Ну, раз начальница приказала... Ничего больше и не оставалось, как переписать завешание и за подписью Крестовской в кабинет к шефине сбегать (там уже чаепитие было в разгаре). Одна радость – когда возвращалась уже с готовыми документами к окошку, успела выскочить во двор. Выкурила долгожданную сигаретку. А пока жадно затягивалась вредным для здоровья, но таким приятно расслабляющим дымом, все думала: умеют же некоторые, вроде этого Баченко, устраиваться! Бабка-то совсем дурная, и втереться к ней в доверие явно легче легкого. Вон, и ей, Ксюшке, совершенно незнакомому человеку, контрамарку в театр предлагала. А что, может, тоже попробовать? Списать из базы данных банка адрес Крестовской – да и явиться к ней в гости, с цветами и с тортом. Ну, и начать причитать: «Ах, да я ваша поклонница, ох, какая для меня честь!» Авось та растает и чего-нибудь ценное тоже отпишет...

* * *

Ни одно доброе дело не остается безнаказанным. И чем искреннее, чем бескорыстней ты хочешь помочь – тем в больших грехах тебя подозревают. Обыватель – он видит поверхностное, только пену. Одинок живущая в богатой квартире старуха... Антиквариат, счета в банке, бриллианты в сейфе, все признаки подступающего маразма... И раз ты живешь в ее доме, и тебе доверяют, и ты терпеливо выслушиваешь все ее жалобы, носишься по аптекам, стоически сносишь ее дурной нрав – значит, обязательно *нацелился*. На чужое богатство, часть народного достояния, на богатую квартиру... Никому и в голову не придет, что старого, беспомощного человека может быть просто жаль.

И никто никогда не поверит, что моя помощь ей была абсолютно безвозмездной. По крайней мере, вначале.

Меня всегда восхищала Крестовская. Пусть она давно уже не звезда – сорок лет как на пенсии. Искусство за то время, что она не танцует, шагнуло далеко вперед. Балет неподражаемо усложнился, наполнился акробатикой, и фуэте теперь берутся крутить даже средненькие выпускницы хореографических училищ. Однако сколько я ни посещаю современных спектаклей, никогда еще не доводилось встречать даже близко похожих на нее. Безупречная техника – да, бывает. Оригинальные постановки – сколько угодно. Потрясающие костюмы – сплошь и рядом. Но чтобы жизнь и смерть вот так, как у Крестовской, проступали в каждом движении, в одном лишь повороте головы – такого вы больше не увидите. Современные танцовщицы лишь отрабатывают свои блестяще поставленные номера. А Лидка – она жила на сцене. И умирала на ней. И пожертвовала ради своего балета абсолютно всем. Она мне рассказывала однажды: что на пике карьеры забеременела и очень хотела оставить ребенка, но ей просто не позволили. Тогда ведь другие времена были. Партия сказала надо – и извольте выполнять. Какие могут быть декретные отпуска у единственной на тот момент солистки Главного театра? У любимицы Сталина?! Уйди она хотя бы на год, и уже не быть нам в области балета впереди планеты всей. Да и не у каждой балерины после рождения детей получается вернуться – хотя у Крестовской с ее непреклонным характером это, конечно бы, вышло. Но ею, «народным достоянием», просто не стали рисковать...

А принесенную когда-то жертву оценили всего лишь в персональную пенсию – о да, это огромные деньги, на несколько тысяч больше, чем у рядовых стариков! И никого, абсолютно никого, не волновало, что балет наградил ее огромным множеством болячек (несколько переломов, слабые суставы, кошмарные вены, изношенное сердце...). Считалось, что она востребована, она на виду. Великую Крестовскую охотно звали председательствовать на множестве конкурсов, ее подпись регулярно вымаливали для всевозможных петиций, ее имя трепали бесчисленные псевдоблаготворители, но кому, скажите, было хоть малейшее дело до ее одиноких вечеров? И абсолютной беспомощности, что наваливалась на нее все чаще?

А из меня получился идеальный ангел-хранитель. Ну, а то, что Лидкина пенсионная жизнь получилась немного не такой, как она сама хотела, – это всего лишь плата. За то, что ей нашлось с кем разделить свои капризы. Нашлось на ком срывать свой дурной, как и положено истинной звезде, норов.

Мне ведь тоже пришлось в какой-то степени пожертвовать собой. И страдать рядом с ней. Разве я не заслуживаю хотя бы минимальной награды?

* * *

Надя с цветами в руках шагала по Тверской – и удивлялась самой себе. Как такое могло получиться, что она опять идет в гости к старухам? И, можно сказать, подружилась с ними?! Надо же быть такой клушей! И это вместо того, чтобы ввиду отсутствия и хамского поведения Полуянова предаться разврату!

Спору нет: Крестовская – человек интересный. И в минуты просветлений общаться с ней приятно. Умная, тонкая и рассказывает замечательно. Причем Надя никогда не умела вычислить, когда балерина говорит правду, а когда привирает. Интересы ради даже проверяла байки Крестовской – благо работала в историко-архивной библиотеке и имела доступ к любым, даже самым редким и ценным изданиям. И всегда оказывалось: истории Крестовской происходили на самом деле, но, скажем так, они несколько приукрашены.

Вот повествует, например, балерина про страшный 37-й год. И как арестовали ее первого мужа, а ее саму вызвал к себе Берия. Страшно: ночь, сумрачный кабинет, пронзительный взгляд человека-палача... И его вкрадчивый вопрос:

«Мне почему-то кажется, дорогая Лидия Михайловна, что вы не очень-то доверяете советской власти... Или я ошибаюсь?»

И она, конечно, не оправдывается – оправдываться перед Берией бесполезно. Вместо униженного лепета смело заявляет ему в лицо:

«Я абсолютно доверяю советской власти. Но если мой муж виновен – тогда сажайте и меня вместе с ним. А невиновен – выпускайте».

– И ведь представьте, Надечка, – с тихой гордостью завершает она рассказ, – он меня послушался. Пусть не сразу, пусть через год – но освободил мужа... Только брак наш, увы, все равно распался. Не захотел любимый мою репутацию чернить, я ведь на сцене Главного театра танцевала, а он – бывший политзаключенный...

История, конечно, красивая. Только Надя на следующий же день раскопала в архивах своей «исторички»: про визит балерины к Берии и про ее разговор с ним – все правда. А вот муж не вернулся к Крестовской вовсе не из-за ее карьеры. Просто влюбился, будучи в лагерях, в женщину, работавшую там врачом. И остался с ней...

Но разве ж прима-балерина, пусть и совсем теперь немощная, признается, что кто-то когда-то осмелился ее бросить?..

Надю просто восхищала непоколебимая уверенность Крестовской в себе – в собственной красоте, таланте, обаянии. Зеркал для нее словно бы не существовало, а если балерина

и видела в них дряхлую, немощную старуху, то не верила, что это она сама. А уж когда Лидия Михайловна впадала в свои, как деликатно выражалась домработница Люся, мечтания – тогда она и вовсе преображалась. Спина сразу совершенно ровная, голова гордо откинута, глаза сияют, и даже морщины разглаживаются. Жаль только, что в этом состоянии, на грани помешательства и яви, она несла всегда исключительный бред. То начинает пенять дирижеру, что он принимает ее за артистку второго состава, и восклицает гневно:

– Что вы себе позволяете? Разве не знаете, что Юрий Файер для остальных всегда играл, как обычно, и только для меня ускорял темп до предела?

А еще в самое первое их чаепитие вдруг на Надю напустилась:

– Как ты сидишь? Плечи сгорблены, грудь впалая, подбородок чуть не в тарелке. Да тебя не в кордебалет надо ставить, а в билетеры! Впрочем, нет. У нас в театре билетеры и то куда достойней выглядят!

Верная Люся – очень переживавшая из-за балерининых помрачений – тогда виновато взглянула на гостью и прошептала:

– Не обижайся, Надя... Сейчас у нее пройдет.

Но Митрофанова и не обиделась. Наоборот, распрямила изо всех сил плечи, вскинула голову – и даже удостоилась снисходительной похвалы:

– Сойдет. Научись еще двигаться – тогда в подружки невесты тебя поставлю...

Глупо обижаться, если у человека заскоки. Да и права балерина: сидеть прямо – лучше, чем сутулиться.

Надя даже с Егором Егорычем примирилась – блеклым человечком, что столь невежливо встретил ее сначала. Не подружились, конечно, но больше не враждовали. Мужика тоже понять можно.

...Егор Егорович официально считался личным секретарем Крестовской, а фактически являлся «смотрителем за все». Выступал проводником между старческой немощью и реальной жизнью. Покупал продукты, оплачивал счета, сдавал в химчистку одежду, возил бабuleк по врачам. Следил, чтобы обе скрупулезно принимали все положенные лекарства. И, конечно, оберегал старух от всевозможных мошенников, которые так и вились вокруг набитой антиквариатом квартиры.

...После первого Надиного чаепития, когда она уже покинула жилище балерины, Егор Егорович нагнал ее во дворе. И на сердитый вопрос девушки: «Что вам еще нужно?» – виновато улыбнулся:

– Вы простите, что я на вас с порога набросился. Я все сейчас объясню. Я ведь вовсе не злодей какой-то и уже понял, что вы желали Людмиле только добра. Но дело в том, что Лидия Михайловна и Люся – они ведь совсем как дети малые иногда... Сколько раз уже было: приходили в дом какие-то люди. Говорили, что будут фонд Крестовской создавать – для помощи, скажем, начинающим балеринам... А Лидочка – она всем верит, деньги дает. А потом ее обманывают, и она очень переживает. Да что там переживает! У нее ведь до недавнего времени с головой все нормально было. А эти приступы стали случаться после того, как из дома все ее награды пропали. Представляете: двенадцать орденов, медали, даже значок «Ворошиловский стрелок», который она во время войны получила... Тоже такая скромная с виду девушка пришла, заморочила голову: что планируется музей-квартиру Крестовской открыть в ее бывшей гримерке и награды станут экспонатами...

– И вы, значит, решили, что я тоже что-то украсть явилась, – покачала головой Надя.

– Я просто перестраховываюсь, – пожал плечами Егор Егорович. Внимательно взглянул на нее и добавил: – К тому же всегда имеет смысл задаться вопросом: кому интересно ходить в гости к ветхим старухам просто так? Если нет никакой тайной цели?

– А какая же цель у вас? – усмехнулась Надежда. – Вы-то с какой стати их благодетелем выступаете?

– Ну, у меня все просто, – пожал плечами мужичонка. – Я Крестовскую знаю давно и глубоко ее уважаю. И помогаю ей не бесплатно – за жалованье и за жилье. Мама моя верной поклонницей Лидии Михайловны была. И меня на ее спектакль чуть не в три года притащила – на «Щелкунчика». А потом так вышло, что мы в Узбекистан уехали. А когда вернулись после всех тамошних погромов, это в девяностых было, получилось, что жить-то нам и негде. Вот мама и пошла на поклон к Крестовской – знала, что та всегда убогих да сирых жалеет. Лидия Михайловна помогла – пробила матушке через мэрию «однушку». А когда умерла мама – пять лет назад – и я пошел ее благотельницу на похороны позвать, то увидел, в каком Лидия Михайловна состоянии. И взялся ее опекать... Ну, а она, справедливый человек, мою помощь оплачивает. Собственно, это все.

– Вы так подробно рассказали, – хмыкнула Надя. – Будто оправдываетесь...

– Я не оправдываюсь, я предупреждаю, – мгновенно парировал Егор Егорович. – За Крестовскую – я горой и обидеть ее не позволю. Чай с ней можете пить сколько угодно и байки ее выслушивать, хоть диссертацию про нее пишите – к нам, кстати, тут уже ходит один аспирант. Но если я услышу про очередной фонд, или про выставку, или что тебе срочно деньги на операцию нужны – выставлю тут же.

– Не надо мне угрожать, – поморщилась Митрофанова. – Тем более что на имущество балерины я не претендую. И к вам в дом ходить вовсе не собираюсь. У меня своих дел полно. И всякие, как вы говорите, байки мне слушать некогда.

– Ну, и жаль, – неожиданноотреагировал Егор Егорович. – Бабульки-то мои скучают. Хлебом их не корми – дай кому-нибудь жизненный опыт передать. А мне эти их истории про всякие балетные пачки выслушивать неинтересно, да и некогда. Я только про другие пачки знаю. Которые из денег. – Он хохотнул.

А на прощание панибратски потрепал девушку по плечу:

– В общем, так, Надежда. Я лично против тебя ничего не имею. Позовут старушки – приходи, буду рад. А то газету некогда почитать – все слушай про Сталина, да про Берию, да про интриги эти театральные...

– И не подумаю к вам приходить! – буркнула Надя.

Однако уже на следующий день ей позвонила сама Крестовская. И не терпящим возражений тоном заявила, что Люся испекла для «своей спасительницы» какой-то особенный торт, аж из четырнадцати коржей, и если Надя не придет, то у домоправительницы наверняка случится еще один сердечный приступ – от обиды. А еще через пару дней последовало приглашение на «суаре», опять вроде как в Надину честь – потому что, заявила балерина, таких добрых и бескорыстных людей, как она, в современном мире не сыщешь...

Тоже пришлось пойти. Да и сегодня отказаться было никак не возможно, потому что задумывалась целая вечеринка – на этот раз уже в честь дня рождения Лидии Михайловны.

День рождения, конечно, дело святое. И кормят у балерины вкусно. И в роскошной квартире с видом на сияющую огнями Тверскую бывать приятно. Но только грустно немного. Там, за толстыми стеклами стеклопакетов, зазывно мерцают казино, рестораны, ночные клубы. Идут в обнимку влюбленные парочки. Хохочут веселые компании. Проносятся лимузины... А она – коротает вечера со старухами.

Но только заняться-то больше нечем. Ее друг и любовник Димка по-прежнему оставался в Питере и вестей о себе не подавал. Одноклассник Мишка после их незадавшегося свидания так и не позвонил ни разу. Подружки – вечерами все при своих мужиках, а одна в ресторан не пойдешь...

* * *

Домоправитель балерины Егор Егорович не скрывал, что гостей не очень-то любит, сплошные от них хлопоты. Однако тех, кого считал надежными, принимал безропотно, с какой-то даже военной четкостью. Вот и сегодня, на дне рождения, в коридоре аккуратным рядком выставлены тапочки, под цветы приготовлены вазы, и стол в гостиной накрыт роскошно, словно в дорогом ресторане: хрусталь, серебряные приборы, даже витиевато скрученные накрахмаленные салфетки присутствуют. Хотя публика на первый взгляд собралась простецкая: несколько бедно одетых старух... мужчина средних лет – в мятом, худо сидящем костюме... двое дам, с виду – мелкие чиновницы или бухгалтерши. И всем – как минимум за пятьдесят.

«И чего я, спрашивается, сюда притащилась?» – мелькнуло у Нади.

Крестовская встретила ее сдержанно, скромный букетик из девяти тюльпанов равнодушно бросила на комод – корзины цветов, что ли, ждала, противная прима? Одна Люся обрадовалась: обняла, зашелестела на ухо:

– Ой, Надечка, как замечательно, что вы пришли! У нас сегодня утиная печень, и перепелки, и еще... еще один сюрприз. Специально для вас мы с Лидочкой приготовили!

Старуха лукаво посмотрела на Митрофанову. Надя машинально отметила, что выглядит она неважно: очень бледная, под глазами темные круги, руки подрагивают. И пахнет от нее валериановыми каплями. В таком состоянии нужно в постели лежать, с грелкой в ногах, а не гостей принимать.

И Надя тепло улыбнулась бабушке:

– Да зачем же мне-то сюрприз? День рождения ведь у Лидии Михайловны.

– Ну, Лида у нас сегодня, сразу предупреждаю, *в сферах*, – заговорщицки проговорила Люся. – С утра меня изводит: то ей корсет подай, то чтобы я Раневскую на ее спектакль позвала... Но вы не обращайте внимания, Надя, вы веселитесь...

«Да с кем тут веселиться – сплошной собес!» – едва не хмыкнула Митрофанова. Даже знакомиться ни с кем не хотелось.

Тетки (то ли чиновницы, то ли бухгалтерши) со знанием дела обсуждали народные средства, якобы помогающие от повышенного давления. Бабки сбились в кружок и дружно ругали турникеты в автобусах – пожилому человеку быстро сквозь них не пройти, а пассажиры сзади напирают, ругаются. Крестовская с отсутствующим видом внимала мужчине в мятом костюме – тот что-то вещал по поводу заката Главного театра. Сплошная тоска. Хоть бы уже скорее за стол сесть – среди закусок, отметила Надя, имелись и тарталетки с икрой, и французские сыры, и семга...

Но тут вдруг за ее спиной раздалось:

– Могу поспорить: ваш любимый коктейль – «Дайкири».

Надя вздрогнула, обернулась: ох, ничего себе! К ней обращался мужчина – да какой! Молодой, не старше тридцати. Высокий, черноглазый, дорого одетый, явно знающий себе цену. Наде, чего уж душой кривить, подобные экземпляры нравились чрезвычайно. Только вот заговаривали они с ней редко – обычно лишь бросали мимолетный взгляд и отворачивались...

Надя сразу подобралась. Широко улыбнулась красавцу:

– Вы угадали! «Дайкири» мне нравится. Особенно клубничный.

Хотя на самом деле коктейли она не любила, предпочитала сухое вино.

Что, интересно, это за тип? И откуда здесь взялся? Неужели тоже приятель Крестовской?

– Отлично! – просиял незнакомец. – «Дайкири». С клубничкой. И совсем немного льда. Сейчас сделаю.

– А вы, что ли, тут бармен? – хмыкнула она.

– Боюсь, бармены этой публике уже не нужны, – подмигнул тот. – И я работаю отнюдь не в сфере услуг. Но коктейли готовить люблю. Особенно, – вновь широчайшая улыбка, – для таких симпатичных девушек. – И протянул руку: – Я – Владислав. А вы?..

– А я – Надя.

– Я так и понял, – кивнул он. – Тот самый сюрприз...

– Тот самый – что?.. – Надя почувствовала, что краснеет.

А Владислав доверительно подхватил ее под руку, отвел в уголок гостиной, понизил голос:

– Да я хотел отмазаться от этой вечеринки. Сомнительное удовольствие: пировать со стариками. А Люся меня уговорила. Сюрприз пообещала. А когда я надел на нее, что, мол, еще за сюрпризы, призналась: придет какая-то девушка изумительная...

Ах, вот оно что! Старушки, значит, решили выступить в роли свах! А какое, собственно, право у них лезть в ее личную жизнь? Но с другой стороны – она ведь сама решила подыскивать ветреному Полуянову достойную замену...

И Надя еще раз внимательно взглянула на нового знакомого. Действительно симпатичный. Редкое сочетание – явно успешный, но лицо при этом не самовлюбленное. И взгляд дружелюбный. И видно, что в институтах учился. И вряд ли женат – иначе бы бабульки, представительницы старой школы, сватать их не стали.

Так, может, все и к лучшему? Вдруг этого Влада ей всевышний послал? А что – бог увидел, какая сволочь Полуянов, и решил вознаградить ее за долгие годы мучений?..

Хотя что-то в новом знакомом ее настораживало. Слишком он какой-то... совершенный. Такие на пенсионерские дни рождения не ходят. С чего бы такому красавцу проводить время в компании, как сейчас говорят, откровенных лузеров? А тут именно они и собрались. Бабки, поняла Надя, балерине даже не подруги, а какие-то случайные знакомые, по поликлинике, что ли. Мужчина в мятом костюме вообще всего лишь сын друга ее давно умершего мужа, неизвестно, кто по профессии, но по виду явный неудачник. А тетки работают на каких-то вторых ролях в Доме искусств, которому балерина покровительствует, то ли бухгалтерши, то ли билетерши. И тут вдруг: молодой, эффектный, состоявшийся мужчина.

– А вы, Влад, давно знакомы с Люсей и с Лидией Михайловной? – осторожно спросила Надя.

– О-о, только пару месяцев. Но кажется – всю жизнь. – И объяснил: – Я вообще-то историк. Про Крестовскую монографию пишу.

– С ума сойти! А я работаю в историко-архивной библиотеке. Мы почти коллеги, – обрадовалась Надежда. – Странно, что прежде вас не встречала... Неужели в «историчке» никогда не бывали?

– А я, Надюш, современный историк, – хмыкнул Влад. – Зачем просиживать штаны в библиотеке, когда есть Интернет?..

– Ну, в Интернете всей нужной информации не найдешь, – возразила она.

Хотела еще добавить, что ни один серьезный ученый Интернетом не обойдется, да удержалась, промолчала.

А Влад закончил:

– И вообще я живу в Америке, в России бываю не часто.

Понятно. Отсюда и этот лоск, и уверенный взгляд. Хотя все равно немного странно. Ученые – они во всем мире одинаковые. Как правило, хлюпики, очкарики и всегда какие-то не от мира сего. И одеты скромненько. А этот – весь из себя денди. Да и еще одно необычно: зачем американцу писать монографию о советской балерине?

«Не один ли это из тех, о ком Егор Егорыч предупреждал? – пронеслось у Нади. – Из охотничков за богатствами балерины?..»

Но, с другой стороны, раз Влада принимают в этом доме и даже пытаются устроить его личную жизнь, то вряд ли он мошенник. А если и мошенник, то очень хитрый, дальновидный и удачливый. Самая идеальная кандидатура, чтоб необременительно с ним пококетничать назло противному Полуянову!

И Надя весело улыбнулась:

– А по коктейлям вы, что ли, тоже пишете монографию?

– Нет. Это мое хобби, – покачал головой Влад. И лукаво добавил: – И скажу вам по секрету: старушки наши – несмотря на строгие запреты врачей – частенько просят меня смешать им то «Хайбол», то даже «Секс на пляже».

Нет, с этим парнем определенно не соскучишься! Надя сразу воспрянула: сами собой развернулись плечи, на щеках, она чувствовала, проступил румянец. Даже Крестовская это заметила. Снизошла к ней из своих сфер, одобрительно потрепала по плечу:

– Держи, держи спину, милая. Сразу с плеч лет двадцать долой.

– Ну, мне так много сбрасывать не надо! – фыркнула Надя.

И внимательно взглянула на балерину. Не поняла на этот раз: та сейчас с ними или в своих затуманенных мирах?

Однако взгляд у Крестовской был не блуждающим, а абсолютно разумным. Похоже, наступил короткий миг просветления. И произнесла она по-земному, ворчливо:

– Ужин задерживается. Люська моя перепелов затеяла, да сил не рассчитала, никак с ними не справится... А зачем, интересно? У кого тут, – последовал довольно снисходительный взгляд в сторону гостей – привычка к перепелам?..

– А мне перепела по душе, – мгновенно парировал Влад. – Особенно когда под соусом бешамель.

– Ну, ты у нас известный буржуй, – усмехнулась балерина. – На фронт бы тебя. Особенно в то время, когда наши отступали...

Кажется, ей очень хотелось поговорить о тех давних событиях. А по лицу Влада, это Надя совершенно определенно увидела, промелькнула тень скуки. Хороший же он историк! Пусть она никаких монографий не пишет, а послушала бы балерину с удовольствием.

– А вы были на фронте? – вырвалось у Нади.

– О, как только началась война, я сразу забросила балетные туфли за шкаф, – усмехнулась Крестовская. – И сказала: никаких танцев, только защищать страну. И отправилась в райком требовать, чтобы меня послали на фронт. А один очень милый полковник сказал мне: вы правы, конечно, но только сначала пройдите курсы сестер милосердия. И направил меня в известную клинику. В челюстной отдел, где находились пациенты, у которых не было половины лица. Я только их увидела – еле доползла до выхода из палаты, а уже в коридоре упала в обморок. И поняла, что сестры милосердия из меня не получится. Поэтому решила, что надо помогать фронту тем, что умею... Танцевать – для бойцов, для раненых. Где только не пришлось побывать! Я выступала на песке, на земле, чуть не по колено в грязи. Даже балетные туфли сохранились военных времен – они все черные... Хотите покажу?

«Вот герой тетка!» – мелькнуло у Нади, и она быстро кивнула:

– Конечно, хочу!

– Тогда пошли. Перепелов все равно еще долго ждать. – Балерина властно взяла ее под руку.

– А меня возьмете? – тут же подсуетился Влад.

– Зачем ты нам? – пожала плечами балерина. – Сделай мне лучше коктейль на свой вкус... Чтобы кровь заиграла.

– Будет исполнено, – усмехнулся тот.

И отправился в сторону кухни. А балерина провела Надю в небольшую комнатуху. То ли музей, то ли кабинет, то ли все вместе. По одной из стен – сплошь фотографии (в самом центре – Крестовская со Сталиным). Вдоль другой – книжный шкаф. А у третьей стены – сервант, все полки которого оказались уставленными самыми разнообразными предметами: статуэтками, безделушками, роскошными театральными коронами, часами, посудой – штучной, с гравировкой...

Надя, конечно, сразу взялась все рассматривать, и Крестовской ее интерес явно пришелся по душе. Она велела:

– Доставай, что хочешь, разглядывай. Будут вопросы – задавай, все расскажу. А я пока тапки найду. И еще одну вещь тебе покажу. Совершенно потрясающую...

Крестовская присела перед нижним, глухим отделением книжного шкафа, открыла его, чем-то щелкнула – и до Нади вдруг донесся сдавленный стон.

Девушка, конечно же, сразу бросилась к балерине:

– Вам плохо, Лидия Михайловна?..

– Нет... нет... – задыхаясь, произнесла та.

А Надя через ее плечо заглянула в шкаф и сразу увидела: в самую нижнюю его часть оказался вмонтирован сейф. Его Крестовская сейчас и открыла и теперь в ужасе смотрела внутрь. И Надя из-за спины балерины тоже видела: сейф абсолютно пуст. А потом она перевела взгляд на Крестовскую и еще больше перепугалась, потому что лицо у той смертельно побледнело, а губы двигались так, словно она пыталась произнести какие-то слова, да никак не могла.

– Позови... позови Люську, – наконец выдавила Крестовская.

– Давайте я помогу вам встать, – молвила Надя.

Но балерина уже обрела присутствие духа и грозно рявкнула:

– Я сказала: Люську сюда! Немедленно!

И Митрофанова опрометью кинулась из комнаты. Пронеслась мимо изумленных гостей, отвернувшись от подозрительного взгляда Егора Егоровича, ворвалась на кухню. А пока мчалась, думала совсем о неважном – что ей никто не удосужился сообщить отчества домработницы. Называть же пожилого человека Люсей – как-то неудобно...

Впрочем, обращаться к той не пришлось. Домработница, как увидела взволнованную Надю, мгновенно отпрянула от плиты, ахнула:

– Что-то с Лидой?

– Да... то есть нет... – пробормотала Надя. – Она просто просила вас зайти в кабинет... Оттуда, кажется, что-то пропало...

Люся мгновенно бросилась вон. А Влад вдруг стремительно приблизился к Наде и прошептал:

– Быстро иди за ней!

– Зачем? – опешила Надя.

– Надо узнать, что исчезло. – И моляще взглянул на нее: – Пожалуйста! Сделай это для меня!

– Да с какой стати? – пожала плечами Надя. – Тебе нужно – ты и узнавай.

Да уж – странное поведение для человека, который пишет монографию.

Из гостиной же тем временем донесся какой-то гул... голоса... а потом в кухню вошел Егор Егорович. Мазнул равнодушным взглядом по Владу, а Наде хмуро велел:

– Пошли со мной.

Сердце екнуло. Они, что ли, ее обвинить собираются в том, что из сейфа пропало что-то ценное? Но с какой стати? В комнату она вошла только вместе с Крестовской и к шкафу даже не приближалась!

Надя не двинулась с места. Как могла спокойно, произнесла:

– Что вам нужно?

– Поговорить.

И железной хваткой вцепился в ее руку. А Влад даже с места не двинулся, чтоб защитить, тоже мне, рыцарь! И что ей оставалось делать? Только проследовать под подозрительными взглядами прочих гостей обратно в кабинет. И увидеть там Крестовскую – безутешно рыдающую на плече у верной Людмилы. Люся же, очень спокойная и очень бледная, ласково поглаживала балерину по руке и приговаривала:

– Ну, ничего, ну, успокойся... Это ведь только камушек...

А прима, распухшая от рыданий и миглом утратившая весь свой лоск, лишь истерично выкрикивала:

– Это не камушек!.. Это! Это моя единственная память! О нем!..

«Кажется, я влипла», – мелькнуло у Нади.

Люся же, завидев на пороге ее и Егора Егоровича, мягко отстранила свою подругу и удивленно произнесла:

– Егор! Зачем ты ее сюда притащил?

И балерина тоже, словно по приказу режиссера, прекратила истерику и гневно добавила:

– Мы же просили тебя не поднимать шума!..

– Интересное кино... – саркастически проблеял домоправитель. – Вы что, совсем святые? Обкрадывай вас, кидай – а вам насрать?

Балерина поморщилась. Люся же терпеливо произнесла:

– Нам – не насрать. Но Надя здесь ни при чем, разве ты не понимаешь?

Но Егор Егорович лишь еще крепче сжал руку Митрофановой и парировал:

– А кто тогда – при чем?

– Мы знаем кто, – со значением произнесла Люся. И тихо добавила: – И этот человек будет наказан. Только позже. А сейчас давай не будем никому портить праздник.

– Вы действительно знаете? – недоверчиво произнес Егор. – Или, – последовала пренебрежительная ухмылка, – водите меня за нос?

– Послушай, Егор, – холодно сказала Крестовская. – Мы уже сказали тебе: не лезь в наши дела. Мы сами разберемся.

– Да уж. Вы так разбираетесь, что половину дома уже растащили, – усмехнулся секретарь.

А балерина выпрямилась. Стряхнула со своего плеча руку Люси. И надменно произнесла:

– И вообще: поди прочь. Надоел.

Люся же бросилась к Наде, горячо зашептала в ухо:

– Прошу тебя, ни слова никому! Ничего не случилось и ничего не пропало – поняла?..

– Но...

– Все, бегом в гостиную, – оборвала ее домработница. – Перепела готовы. Я сейчас подаю...

* * *

Странный получился день рождения.

Гости сидели на своих местах напряженные, настороженные. Все, конечно, слышали вскрик Крестовской из кабинета. И видели, как в кухню пробежала испуганная Надя, и Люсин поспешный бег, и как Егор Егорович почти силком волок Митрофанову на разбирательство...

А после этого всех спокойно приглашают к столу, и балерина объявляет, что произошло всего лишь маленькое недоразумение. Столь незначительное, что о нем не стоит даже говорить. При этом Люся, которая и в начале-то вечера выглядела неважно, сейчас совсем уж похожа на тень, а Егор Егорович сидит за столом мрачнее тучи.

Отнюдь не все участники вечеринки удовлетворились столь сомнительным объяснением. Старухи из поликлиники – те сидели тихо, а вот чиновницы (или кто они там?) из Дома искусств насели на балерину конкретно.

– Лидия! Мы ведь подруги! – увещевала Крестовскую одна из дам по имени Магда Францевна. – Ты просто обязана объяснить мне, в чем дело!

– Лидочка! – вторила ей другая (эту звали Антониной Матвеевной). – Ты у нас, конечно, интеллигентка, старая школа, никому никогда не создаешь проблем. Но иногда просто необходимо обратиться за помощью!

Но балерина упрямым партизаном лишь качала головой:

– Все хорошо, девочки... Все хорошо. У меня просто немного закружилась голова, вот я и попросила Надю, чтоб она вызвала Люсю... А сейчас давайте наконец ужинать.

А когда домработница, покачиваясь от усталости, подала на стол долгожданных перепелов, тетки уже к Наде прицепилась. Особенно та, которую звали Магдой, наседала:

– Мы должны знать, что случилось! Расскажите нам!

Наде скрывать-то было нечего – только разве посмеешь перечить властному взору Крестовской?

Потому ей оставалось лишь пробормотать:

– У Лидии Михайловны спрашивайте.

А потом без аппетита жевать деликатесы, избегать вопрошающего взгляда Влада и твердо клясться себе, что больше в дом балерины она ни ногой. Сегодня пронесло – а в следующий раз запросто может случиться, что ее еще и в краже обвинят.

Что ж такое находилось в сейфе? Люся сказала – «просто камушек». Но почему он столь дорог балерине? И главное, как понимать: что старухи вроде бы знают, кто его взял, но не желают поднимать шума и почему-то не хотят называть имя преступника даже своему confidentу Егору? Может, они его самого и подозревают?.. И почему Влад сидит с совершенно опрокинутым лицом?..

На одну Крестовскую инцидент подействовал скорее благотворно. В том смысле, что во время застолья обошлось без ее уже привычных заскоков. Пуантов не требовала, на дирижера не ругалась. Грациозно и гордо восседала во главе стола, остроумно шутила, сыпала историями – абсолютно разумными... Наде особенно одна понравилась – про то, как однажды балерина, выступая где-то поблизости от линии фронта, вывихнула ногу, а врача рядом не оказалось. Нашелся только ветеринар. И ногу вправил мастерски. А когда пациентка заорала от боли, прикрикнул на нее: «Тпрр-у!»

Люся любовно поглядывала на подругу и то и дело выскакивала из-за стола: подрезать хлеба, принести из холодильника воды, проверить, не осел ли в духовке торт.

А когда побежала, как сказала, на минутку поставить чайник, то не возвращалась долго. Но гости, с удовольствием внимавшие рассказам Крестовской, исчезновения ее верной тени и не заметили. Вспомнили про Люсю лишь минут через сорок.

– Сходи, Егор. Узнай, чего она там копается, – царственно велела балерина.

– Как прикажете, – саркастически буркнул Егор.

Поднялся из-за стола и направился в кухню. А когда через минуту явился обратно в гостиную – бледный, с трясущимися губами, – все гости мгновенно умолкли.

– Что? – ахнула Крестовская. – Что случилось?

– Там... в кухне... Там Люся умерла, – избегая встречаться с ней взглядом, пробормотал Егор.

* * *

«Где стол был яств – там гроб стоит». Или, перефразируя классика: славно повеселились...

Надя в ночь после злосчастной вечеринки не смогла уснуть до утра. Едва пыталась закрыть глаза, сразу всплывало, как она, вслед за всеми гостями, врывается в кухню... И видит: вокруг идеальная чистота. Будто и не готовились здесь к застолью. Нигде ни ножики забытого, ни початых банок с соленьями, ни вообще соринки. На столе красуется торт. Заварочный чайничек заботливо укутан полотенцем. Единственная негармоничная деталь – недвижимая, распластанная на полу Люся... Ее остановившийся взгляд устремлен точно на включенное бра, единственный источник света. И очень легко представить, как пожилая женщина туманящимся взором все смотрела и смотрела в эту светящуюся точку, цеплялась за нее отчаянно и наверняка понимала: пока ее видит – она живет. А лампочка перед ее глазами все тускнела, меркла, безжалостно, неумолимо – и, наконец, погасла совсем.

– И умерла, как жила, – тихо произнесла стоявшая за Надиной спиной Магда Францевна. – Никому никаких проблем. Чистота. Порядок... Даже чай заварен.

Видно, сердце не выдержало, – эхом откликнулась вторая из теток, Антонина Матвеевна. – Она ж весь вечер бледная какая была, явно неможилось ей... Но нет бы в постель лечь. Через силу, через «не могу» старалась – чтоб все на уровне, все довольны...

А потом тишину кухни разорвал отчаянный крик Крестовской:

– Лю-уся! Ну, зачем?..

И балерина рванулась к телу подруги.

Однако Егор Егорович придержал ее за плечи и грубо рявкнул:

– Стоять!

– Да как ты смеешь! Пусти меня, пусти! – забилась в его руках Лидия Михайловна.

Но бездушный человек упрямо произнес:

– Не пушу. После попрощаетесь. А сначала пусть ее врачи посмотрят. Смерть констатируют.

И Крестовская сразу обмякла в его руках, зарыдала...

– Да что тут смотреть, – проскрипела одна из старух. – Мертвая...

Домоправитель же резко обернулся к гостье и оборвал:

– Распоряжаюсь здесь я.

А потом еще больше повысил голос и обратился ко всем толпящимся на пороге кухни гостям:

– И вообще: никому сюда не входить, ясно?

И приказал почему-то Наде:

– Вызови «Скорую». И милицию.

– Господи, а милицию-то зачем? – пробормотала Магда Францевна.

– Положено, – отрезал домоправитель. – Пусть все зафиксируют. Опросят, кого нужно...

И обвел всех собравшихся недружелюбным взглядом.

«Он что, считает, будто Люсю убили?!» – с ужасом подумала Надя.

Да и остальные гости явно занервничали.

Егор же Егорович вдруг упер свой взгляд в Магду.

– Почему вы на меня так смотрите? – выдавила она.

А он веско произнес:

– Да так. Заметил кое-что. Чисто случайно. Это ведь вы, кажется, Люсе сегодня какую-то таблеточку давали?..

Надя ничего такого не видела, но, конечно, вся обратилась в слух. А Магда возмущенно выкрикнула:

– О господи, да как вам не стыдно! Замучили уже всех своими подозрениями!..

– И тем не менее, – хмуро повторил Егор. – Вы зашли на кухню и что-то ей дали. Достали вот из этого кармана.

Его палец уперся в жакет женщины.

– Да смотрите, смотрите, пожалуйста! – выкрикнула Магда. – Вот, берите! – Она дрожащей рукой рвала карман своего жакета и, видно от волнения, никак не могла туда попасть. И лихорадочно продолжала говорить: – Я как лучше хотела! Люся на головную боль жаловалась и на мушки в глазах – вот я и посоветовала ей кавинтон для улучшения мозгового кровообращения, мое настольное средство, я без него вообще не обхожусь! Она и выпила-то полтаблетки. И это вообще не лекарство – витамин, его все старики пьют! Да вы посмотрите сами, тут в аннотации написано!..

Она наконец вытащила облатку, сунула ее под нос Егору.

Но тот отвел ее руку:

– Вот и не забудьте, когда приедет милиция, про этот ваш кавинтон рассказать.

Несчастливая Магда стояла вся красная, и Наде стало ее жаль. Девушка пробормотала:

– Кавинтон действительно безопасное лекарство. Тем более в такой дозе...

Да и Влад пришел ей на помощь. Мягко обратился к домоправителю:

– Ерунду вы говорите, Егор Егорович. Сколько Люсе было? Восемьдесят семь, восемьдесят восемь? Возраст, прямо скажем, преклонный. И выглядела она весь вечер неважно. И перенервничала сегодня...

– Все равно: я хочу быть уверен, что умереть ей никто не помог, – упрямо повторил домоправитель.

...Впрочем, явившиеся довольно быстро милиционеры никого в смерти Люси обвинять и не пытались. Выслушали вердикт врачей: следов насилия на теле нет, причина смерти – предположительно острая сердечная недостаточность. И даже гостей опрашивать не стали. Только и поинтересовались:

– Кто-нибудь видел, как она умирала?

– Нет, – покачал головой Егор Егорович. – Она в кухню ушла, чайник поставить. А мы сидели в гостиной и только через полчаса забеспокоились, и я пошел посмотреть, чего она там копается... Ну, и нашел ее...

– И никто из вас, – милиционер даже не спрашивал – констатировал, – из комнаты не выходил.

Домоправитель выдержал многозначительную паузу и с видимой неохотой подтвердил:

– Нет, никто.

А Крестовская, неестественно спокойная, с окаменевшим лицом, выдохнула:

– Отмучилась моя Люсенька... Ну, скоро и я за ней.

– О чем вы говорите, Лидия Михайловна! – встряла Магда Францевна. – Вам еще жить да жить!..

Балерина же обвела всех присутствующих грустным взглядом и задумчиво, словно про себя, произнесла:

– А ведь это был последний день рождения в моей жизни... Жаль, что он закончился столь печально...

И такое в ее голосе звучало горе, тщательно сдерживаемое, но от этого не менее тяжкое, что у Нади зашипало в носу. Что за несправедливая штука жизнь! Ведь каких-то несколько часов назад Люся еще хлопотала на кухне, встречала гостей, сияя глазами, обещала Наде

сюрприз. А теперь ее тело, с головой укрытое простыней, навсегда выносят из квартиры, где она прожила почти всю свою жизнь...

И сколько Надя ни уговаривала себя – что и Люся, и балерина Крестовская, и Егор Егорович ей вообще никто, просто случайные знакомые, и надо вычеркнуть их из своей жизни, – а все равно на душе было тяжело. И, когда она вернулась наконец домой, успокоиться и заснуть никак не получалось...

А когда ближе к семи утра Надя начала задремывать, ее разбудил телефонный звонок. Девушка, еще в полусне, дотянулась до трубки, пробормотала:

– Алле?

И услышала хмурый голос:

– Надежда? Это Егор Егорович. Вам нужно срочно к нам приехать.

– Что-что?

– Приезжайте, пожалуйста, прямо сейчас.

Надя рывком села на постели. Взглянула на часы: семь пятнадцать. Она проспала от силы полчаса.

– А что случилось? – пробормотала Надя.

– Лидии Михайловне очень плохо.

«Да я-то здесь при чем?!» – едва не выкрикнула Митрофанова.

А Егор Егорович продолжал:

– Сегодня ночью она совсем расхворалась. Приезжала «Скорая», хотели ее в больницу забрать. Но Лидочка, естественно, отказалась. И теперь просит вас.

– Зачем? – буркнула Надя.

Получилось не очень-то вежливо, но она ведь решила еще вчера: больше никаких контактов со злополучным звездным семейством. Помогать им – себе дороже.

Домоправитель спокойно произнес:

– Говорит, что вчера не успела вам показать какие-то свои пуанты военных лет...

– Вы что, издеваетесь?

– Надя, – вздохнул Егор Егорович. И неожиданно перешел на «ты»: – Можешь, конечно, меня просто послать – и будешь в своем праве. Но пойми и меня. Я всю ночь на ногах. То «Скорая», то истерики... Врачи мне, кстати, лекарство оставили для Лидии Михайловны и шприц. Сказали, если не успокоится – вколоть ей, и она уснет хотя бы на пару часов. И другим даст поспать. Но я не могу с ней так поступить, не могу колоть против ее воли. А она никак не уgomонится. То одно, то другое. Сейчас вот эта блажь втемяшилась – требует тебя. Говорит, что, если ты не приедешь, сама встанет и отправится тебя искать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.